

I. ПЕСНИ РАБОЧИХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

1. О ПЕСНЯХ ГОРНОЗАВОДСКИХ РАБОЧИХ АЛТАЙСКИХ ЗАВОДОВ

...К изучению фабрично-заводского фольклора приступила вплотную только послереволюционная фольклористика. Устно-поэтическое творчество рабочих ставится в связь с процессами зарождения и развития пролетарской поэзии. Кроме того, определяется его значение для истории наших фабрик и заводов.

Однако песни рабочих, вернее «работных людей» крепостной эпохи пока еще не затронуты изучением. Между тем, даже тот сравнительно небольшой и отрывочный материал, который дошел до нас от фабрично-заводских кадров феодально-крепостнического периода, чрезвычайно ярок по своему содержанию и стилю. Он является эмоциональным отражением действительности, которую можно проверить и проследить по другим документам эпохи. Таким образом, он представляет собою дополнение и яркую иллюстрацию к истории фабрик и заводов крепостной России. Кроме того, особенностями своей тематики и устно-поэтических приемов фабрично-заводской фольклор крепостной эпохи являет собою уже совершенно ясные признаки нового устно-поэтического стиля определенных социальных слоев, из которых формируется зарождающийся новый общественный класс. Поэтому знакомство с песнями рабочих крепостной

эпохи необходимо для уяснения истоков и процесса развития как позднейшего фабрично-заводского фольклора, так и пролетарской поэзии и литературы.

Феодально-крепостнический период в России, особенно XVII и XVIII вв., характеризуется множественностью социальных прослоек как в крестьянстве, так и в рабочей среде. Рабочие кадры этой эпохи в значительной мере формируются из крепостных крестьян. На помещичьих фабриках работают крепостные вотчинные крестьяне; к купеческим фабрикам специально прикупаются посессионные, на государственные промышленные предприятия приписываются государственные крестьяне.

Совершенно обычны ходатайства крупных фабрикантов и горнозаводчиков о приписке крестьян к их предприятиям. Все эти рабочие кадры используются на определенных, так или иначе оговоренных правительственными распоряжениями, условиях.

Кроме того, широко применяется также принудительный труд ссыльных, каторжан, кабальных холопов, «различных категорий бездомных и беспаспортных людей», особенно на горно-заводских работах. Но используются также и наемные рабочие из крепостных, которые уходят на заводы и фабрики с условием выплачивать определенный оброк своему помещику.

Уже в уложении 1649 г. говорится о наемном труде: «А будут чьи крестьяне и бобыли учнут у кого найматься в работе и тем крестьянам и бобылям у всяки чинов найматься в работу по записям и без записей повольно. А тем людям, у кого они в работу наймутся, жилых и ссудных записей и служилых кабал на них не иметь и ничем их себе не крепить и как от них те наймиты отработаются и их отпущать от себя без всякого задержания»¹. Как видно, здесь даже подчеркивается и оговаривается свободное состояние наемных рабочих.

Постепенно в течение XVII в. и особенно с XIX в. вольнонаемный труд приобретает себе все большие права гражданства. Труд подневольный применяется главным образом на горных заводах и на помещичьих фабриках. Таков в самых беглых штрихах пестрый состав фабрично-заводских кадров феодально-крепостной России.

При изучении их песенного фольклора, несмотря на случайность и фрагментарность записей, все же выступают ясные следы репертуара различных групп этого фабрично-заводского

¹ Цит. по кн. Гай си но в и ч а «Рабочий класс крепостной эпохи», 1931, стр. 7.

состава. Из них главнейшие линии: репертуар рабочих людей на рудниках и горных заводах; песни фабричных мастеровых с фабрик центральной России. Дошедшие до нас песни рабочих людей на рудниках и горных заводах по своему происхождению относятся, вероятно, к XVIII в. По всей вероятности, они сложились в среде посессионных и приписных крестьян, прикрепляемых к заводам и рудникам, или, может быть, в среде ссыльно-каторжных, отправляемых в рудники на особо тяжкие работы.

Так, интереснейшая песня о тяжелых горных работах известна нам в трех вариантах. Судя по названиям местностей и изображению характера самих работ, она может быть приурочена к окрестностям Барнаула. Но при этом следует помнить, что, без сомнения, мы имеем дело лишь с оставшимися ее вариантами. Наиболее полный вариант ее записан Е. И. Парамоновым в Барнауле от бывшего змеиногорского мастерового и помещен в «Томских губернских ведомостях» (1865 г., № 17—18). Песня эта сложилась в крепостную эпоху, по всей вероятности даже в XVIII в. И затем благодаря своему яркому содержанию—изображению процессов горных работ, повседневной жизни рудника, трудностей и тяжелых переживаний горнорабочего крепостной эпохи—могла держаться в памяти и быть любимой производственной песней целого ряда поколений. Вот текст ее по записи Е. И. Парамонова¹.

* * *

О, се горные работы!
Скажем, горные работы,
Оне всем дают заботы!
Офицером быть нескучно,
При сем жить им неразлучно,
А наш пристав, офицеры господа
Все исправности несли—
Постояли да уши.
Ой вы, бедны бедняки,
Первой части бергамы,
Все вы знаете заботу,
Как ударят на работу.
На работу бьют, треложат,
Мы противны быть не можем.
Ой ты, свет наша умыльна
Змеевская плавильна!

Тонко, громко в доску бьет,
К себе в гости зовет.
Подле шнурик, подле бок,
Есть корыто и гребок,
Протыкальник, молоток;
Настилаем в шахту смесь
О четыреста пуд вес;
Как четыреста пуд вес—
В одну смену все сожечь.
Мастер ходит, подтверждает,
Чтобы шлак был не богат...
Постарайся, друг и брат,
Чтобы Правдин² был богат.
Есть Шершневичка весела,
Речка валом обнесена.
С переулка третий дом.
Бита Мушиха кнутом.

¹ «Томские губернские ведомости», 1865 г., № 17—18, ч. неофициальная.

² Фамилия уставщика.

Ой вы, бедны бедняки,
 Пятой части парняки.
 Все вы знаете заботы,
 Как ударят на работы.
 На работы быют, треложат,
 Мы противны быть не можем.
 Вот и слушаем опять,
 Как ударят часов пять,
 В решеточки загремят—
 Наше сердце уныват.
 Инструмент нам принимать:
 Болотки и гребки,
 Рудобойны молотки.
 По фонталам воду пустят,
 Наше сердце припустят,
 Мы примамся работать,
 Золоту руду катать,
 Как подрядчики на нас

Не косили б своих глаз.
 Не грозили бы рукой,
 Не стращали бы лозой.
 Ой вы, братцы молодцы,
 Пятой части молодцы.
 Приогрянем в молотки,
 Разобьем руду в куски,
 Обер-штейгер старичок,
 Чтобы не дал нам толчок.
 Как кончаем урок свой,
 Так отпустят нас домой,
 А домой когда пойдем,—
 Громко песни запоем.
 Мимо Медера пойдем,
 Мимо Кенига пойдем,
 На базарочек зайдем,
 Калачей на грош возьмем
 И позавтракаем.

Как видно, вариант Е. И. Парамонова очень подробен и полон, но в отдельных своих частях он явно смягчен и классово нейтрализован. Например, начало его, несколько книжно стилизованное, возможно, подвергалось даже сознательной переделке специально для записи. Если сравнить его с вариантом в записи В. И. Семевского¹, то последний начинается гораздо более резко и жизненно.

Вариант Парамонова:

О, се горные работы,
 Скажем горные работы,
 Оне всем дают заботы...

Вариант Семевского:

Наши горные работы
 Всем чертям дают заботы...

Несомненно, что варианты этой песни, распевавшиеся в широкой среде горнозаводских рабочих XVIII и XIX вв., были насыщены гораздо более ярким классовым содержанием, чем вариант, сообщенный для записи. Отрывок третьего варианта этой песни приведен в очерке—романе Блюммера «На Алтае». Но приведенный выше вариант Парамонова как бы объединяет более фрагментарные вариации Семевского и Блюммера.

В песне ярко выявлен с первых же слов военный характер горных работ и подчиненность горнозаводских рабочих военнокрепостному строю:

¹ В. И. Семевский. Из истории обязательного горного труда в Сибири. Иркутск, 1897.

Офицером быть не скучно,
При сем жить им неразлучно,
А наш пристав, офицеры господа
Все исправности несли—
Постояли да ушли...

Как контраст с положением начальства, даже в сравнительно смягченном варианте (Парамонова), совершенно ясно подчеркнуты мотивы классового неравенства и изображение подневольного, тяжкого труда.

Ой вы, бедны бедняки,
Первой части бергалы,
Все вы знаете заботу,
Как ударят на работу.
На работу быют, треложат,
Мы противны быть не можем.
Ой ты, свет наша умыльна,
Змеевская плавильна.
Тонко, громко в доску бьет,
Себе в гости зовет.

Вся песня является ценнейшим художественно-бытовым памятником истории фабрик и заводов и горнозаводского труда в XVIII—XIX вв. Известно, что уже с конца XVII века и в течение XVIII горная промышленность является для России важнейшей отраслью. Быстро развивающееся горное дело, постройка новых заводов на Урале, в Зауралье, а также в центральных районах страны—Тульском и Нижегородском—требуют громадного количества рабочих рук. Ввиду особой тяжести горных работ для их выполнения пользуются разнообразными формами принудительного труда. С середины XVII века становится уже совершенно обычным явление приписка крестьян государственных и позднее вотчинных (по просьбе дворян-владельцев) к определенным промышленным предприятиям, а также прикрепление на известный срок крепостных крестьян не к владельцу, а к заводу, фабрике, руднику и т. д. В течение XVIII в. количество приписных к заводам крестьян непрерывно возрастает. Напр., в 1719 г. приписных к казенным горным заводам числилось 31.383; в 1794—9 гг. эта цифра возросла до 312.218 душ¹. Таким образом, одни только приписные крестьяне, помимо постоянных рабочих, мастеровых и служащих на горных заводах, составляли уже целую армию. Рабочие на сибирских и алтайских горных заводах приравнивались к военным служащим

¹ Данные приведены в отмеченной выше работе Гайсиновича.

и подчинялись военной дисциплине. Недостаток рабочих рук пополнялся наборами рекрутов из крестьян, приписанных к заводам. Кроме того, за горными заводами закреплялись также и дети рабочих людей, мастеровых и всех нижних чинов, состоящих на заводской службе или находящихся в отставке, и так называемые незаконнорожденные дети. Мастеровые и рабочие люди горных заводов разделяются на команды, из которых каждая находится в подчинении горного офицера.

Поэтому упоминания об офицерах в песне, о «бергаме» бергамте—горной военной канцелярии, а также выражение: «Мы противны быть не можем, на работу бьют, треложат» или: «перекличку отведут, по работам поведут»—являются ясными штрихами именно военной организации крепостного горнозаводского труда. Показательно также перечисление необходимого рабочего инструмента и инвентаря и изображение самих работ.

Подле шнурик, подле бок,
Есть корыто и гребок,
Протыкальник, молоток.

И далее:

Инструмент нам принимать:
Болотки и гребки,
Рудобойны молотки...

Кроме того, песня отразила также и условия (непосильные «уроки») и самые процессы работ на промывке золота, когда нередко приходилось стоять в воде, изобразила также и плавку руды.

По фонталам воду пустят,
Наше сердце приопустят,
Мы примамся работать,
Золоту руду катать.

И затем: изображение «урока»:

Настилаем в шахту смесь
О четыреста пуд вес;
Как четыреста пуд вес
В одну смену все сожечь,
Мастер ходит подтверждает,
Чтобы шлак был не богат...

Или:

Приогреем в молотки,
Разобьем руду в куски...

Или в алтайском варианте Блюммера находим изображение работ, которые выполнялись главным образом приписными и посессионными крестьянами. Их назначают:

Того в шахту, того в гору,
А того к зелено бору
Иль деревья ожигать.
Или воду отливать.

Кроме того, возможно, что песня сохранила тоже глухое указание, что горные работы выполняются сосланными на каторгу. Многим из них приходилось работать скованными, в цепях, а в свободное от работы время сидеть в казарме за решеткой.

Как ударят часов пять
В решеточки загремят,
Наше сердце уныват.
Инструмент нам принимать...
(Вариант Парамонова).

Все вариации песен о горных работах особо подчеркивают мотивы взаимоотношений рабочих и ближайшего начальства. Здесь обычны темы о подрядчиках и первых контролерах выполнения работ, постоянный страх телесного наказания и побоев, подачки и взятки надсмотрщикам, чтобы избежать розог и толчков.

С самого начала работные люди охвачены страхом:

Как подрядчики на нас
Не косили б своих глаз,
Не грозили бы рукой,
Не стращали бы лозой.
Ой, вы братцы молодцы,
Пятой части молодцы.
Приогрянем (в) молотки,
Разобьем руду в куски.
Обер-штейгер старичок,
Чтобы не дал нам толчок...
(Вариант Парамонова).

Или в варианте Блюммера:

Как ударят часов пять,
На работу мы опять,
Частный кличет и кричит,
Своей палочкой грозит.
Кто не явится на зов,
Тому ею сто лозов...

И даже при изображении других трудовых процессов в рудниках устойчиво повторяются те же темы.

Например, когда производится тяжелая операция плавки руды, то каждый старается чем-нибудь задобрить уставщика:

Мастер ходит, подтверждает,
Чтобы шлак был не богат,
Постарайся, друг и брат,
Чтобы Правдин был богат.

Действительно, телесные наказания (розгами, палками) были обычным явлением. Они налагались либо местной властью, либо по предписанию горного управления—военным судом. Особенно суровы были наказания за побеги и более всего за повторные. Совершенно обычными были сознательные сговоры убить кого-нибудь, чтобы за то попасть в тюрьму и таким образом избавиться от непосильных работ. Каждый завод и рудник превращен как бы в крепость. Здесь содержится военный караул, чтобы «работные люди не разбегались».

Из всех вариантов приведенной песни наиболее ярок по классовой насыщенности вариант Семевского. По сравнению с вариантом Парамонова («Томские губернские ведомости») он фрагментарен; в нем нет описания самих работ, зато ярко развиты мотивы взаимоотношений рабочих и заводских старшин. Здесь совершенно ясен непримиримый тон по отношению к подневольному труду и ненавистному «уроку».

Наши горные работы
Всем чертям дают заботы:
Всяк стараться очень рад,
Чтоб подрудок был богат.
А забота наша в том,
Чтоб разделаться с урком,
Чтоб нарядчики на нас
Не косили б своих глаз.
Своих глаз бы не косили,
У нас денег не просили,
Не грозили бы рукой,
Не махали бы лозой.
Чтоб не выдрали пять раз
Пока выробнишь наказ...
Не успеешь, значит, лечь,
Как валится кожа с плеч,
Да оттудова валится,
О чем петь нам не годится.

Все отмеченные выше вариации песен о сибирских рудниках являются необычайно ярким памятником истории горнозаводского труда. Кроме изображения трудовых процессов, картин

самых работ, эти песни особо ценны своей непосредственной эмоциональностью. И в этом отношении они очень отличаются от других, приблизительно современных, им описаний и изображений горнозаводских работ. Такие описания встречаем, например, в стихах крепостного поэта, первого из рабочих поэтов, Егора Ипатьевича Алипанова (род. в 1801 г.). Сын мастерового при чугунном заводе секунд-майор И. А. Мальцева, Алипанов также и сам работает на заводе и поэтому знаком во всех подробностях с процессами выплавки и обработки чугуна. В своих стихах под заглавием «Труды заводских мастеров» Алипанов уделяет значительное внимание картинам заводских работ. Он захвачен величиим и мощностью наблюдаемых им технических процессов; люди сравнительно меньше привлекают поэта:

Засуетилися старанья,
Все мастера в трудах кипят,
Мехов раздались завыванья,
И искры из горнил летят.

Или изображение процесса плавки чугуна:

Растоплен пламенем и углями,
Чугун лился сквозь огонь на низ,
В горнах огромными буграми
Металлы грубые слились¹.

В изображениях труда людей Алипанов хотя точен, но стремится быть осторожным.

Например, начало заводских работ изображается так:

Тут каждый в должности пустился,
Кто уголь, кто чугун тащил,
А кто огонь класть торопился,
В колесы воду пропустил.

Показывая трудности работы у горнов и плавильных печей, рабочий поэт только отмечает:

От жара лился пот рекою
Рабочих мастеров с лица.

Естественно, что поэт-крепостной в своих произведениях, печатавшихся в условиях цензуры Николая I, не мог позволить себе того простора и непосредственности в изображении тяжелых условий крепостного труда, не мог выявить классовую (если бы и хотел) остроту, которой так пронизаны безыменные песни сибирских горнорабочих.

Описание горных работ иной раз попадало и в оды XVIII в.

¹ Стихотворения крестьянина Егора Алипанова. СПб. 1830, стр. 55—58. Труды заводских мастеров.

Интересно привести для сравнения официальные стихи о рудокопном деле, посвященные парадной встрече саксонцев, мастеров, специально приглашенных в 1736 г. в Россию для обучения русских. Горнозаводская промышленность, охватывавшая в XVIII в. все более широкие территории (Башкирские Земли, Томский, Кузнецкий, Нерчинский, Иркутский округа), требовала квалифицированных работников. В 1735 г. В. Н. Татищев предложил послать уральских мастеров за границу для обучения. Однако правительство отклонило это предложение, потому «что принадлежащие к заводам мастера из Саксонии выписаны будут». Специально написанные на приезд саксонцев 6 стихотворений, возможно, пелись при торжественной встрече саксонцев, а затем были предназначены для печати. Они переписаны набело красивым почерком на голландской бумаге со щитом города Амстердама. Обнаруженные в рукописи 1-й половины XVIII в. в архиве Академии наук СССР, фонд 3, опись I, они опубликованы Н. Г. Богдановой¹.

Имя автора стихов неизвестно. Описания горного дела выступают на фоне восхваления императрицы Анны Иоанновны:

Все, рудокопы, подите сюда,
Слышите, что нашлась богатая
руда.

И вы, нижние служители,
Пойте веселые горные песни
Всероссийской императрице,
Которая в середине самой войны
На вас милостиво презирает
И к новому рудокопству
Толь милосердно призывает.

Однако и в парадной оде при изображении трудностей горного дела все же очевидны противоречия классовых интересов. Так, иной подземный рабочий—

Обессилев, в яме упадет,
А другой жалким голосом кричит:
Маркшейдер, помоги, моей мочи нет.
Столнер отдушину на свет про-
рубает
Затем, что от духоты людям весьма
трудно...
А ежели что до разделения метал-
лов касается,
В том маркшейдерская наука по-
могает.

¹ Н. Г. Богданова. Стихи о рудокопном деле. Труды комиссии по древне-русской литературе. Ак. Наук СССР, т. I, 1932, стр. 231—246.